Максутов А. Г.

ВЛИЯНИЕ И ДОМИНИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЯХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2007. № 7 (7): в 2-х ч. Ч. I. С. 109-111. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2007/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

ВЛИЯНИЕ И ДОМИНИРОВАНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКИХ СЕТЯХ

Максутов А. Г.
Южный федеральный университет

Анализируя властные отношения среди акторов в рамках политической системы, можно прийти к выводу, что влияние и доминирующие связи не должны соединяться в единое измерение власти. Они должны быть проанализированы по отдельности и совместно, потому что связи, возникающие в рамках отношений влияния и доминирования, имеют тенденцию производить различные структуры. Влияние предполагает передачу информации, которая изменяет поведения других акторов, воздействуя тем самым на их восприятие. Коммуникация - главный процесс, которым акторы определяют и выражают свои интересы в политическом событии. Большинство отношений коммуникации имеет двухстороннюю направленность, т.е. включают процедуру обратной связи, предполагая, что центрированность - лучший способ измерить выдающееся положение в сети влияния.

Коммуникационные сети включают общие черты в отношениях через процессы социального сравнения [Erickson 1988]. Любое подмножество акторов, которое поддерживает подобные структурные отношения по отношению к другим акторам сети, как говорят, одновременно занимает то же самое положение в сети. Действительно, если все взаимодействия акторов с другими идентичны, люди неразличимы на относительных основаниях и могут рассматриваться как занимающие единое положение в системе. Главное беспокойство - взаимодействуют ли члены совместно занятого положения между собой (единство) или они внутренне не связаны (структурная эквивалентность). Связные и структурно эквивалентные положения сети поощряют акторов моделировать свои верования и поведения друг за другом. Но процессы, при которых возникает соответствие, вовлекают различные социализированные групповые характеристики. Говоря кратко, связные группы вовлекают интенсивные прямые отношения среди всех участников, тогда как у структурно эквивалентных положений есть очень схожие взаимодействия других акторов сети, но не обязательно между собой [Burt 1987b]. Члены связной группы или клики объединены непосредственно друг с другом в соответствии со многими интенсивными взаимными связями, через которые передаются коммуникации влияния. В неоднозначной ситуации, такой как решение голосовать за определённого кандидата на выборах, люди обычно обращаются к лицам своего круга, имеющим схожие взгляды на происходящие процессы и обладающим достаточным авторитетом, чтобы рассеять неуверенность в своих размышлениях. В пределах клики, чем более сильные и частые «сопереживающие» коммуникации, тем более вероятно, что участники клики, будут способствовать тому, чтобы формировать схожие социальные и политические отношения друг в друге. Интенсивные обсуждения социализируют участников клики к общему нормативному пониманию их коллективных интересов.

Однако структурно эквивалентные акторы могут испытывать недостаток в прямых связях друг с другом, но поддерживать очень схожие отношения с той же самой компанией других акторов системы. Чем дольше пара акторов находится в этих отношениях, тем более вероятно то, что каждый примет любое поведение, воспринятое таким образом, чтобы сделать второе привлекательным источником или объектом отношений [Burt 1987b]. Конкуренция вытекающая из притязаний на получение преференций, которые распределены третьим лицом на основе нулевой суммы, может вызвать соответствие мысли и дела среди конкурентов. Например, диктатор увеличивает свою личную безопасность, требуя, чтобы его чиновники имели дело непосредственно только с ним для их обеспечения и продвижения по службе. Оставаясь их единственным источником наград и наказаний, диктатор создает конкуренцию среди генералов для его же пользы и препятствует тому, чтобы они сговорились для его ниспровержения. Изолируя потенциальных противников в несвязном, но структурно эквивалентном положении, диктатор может популяризировать «параноидальную» лояльность и зависимость каждого подчиненного. Поскольку структурно эквивалентные акторы общаются с той же самой компанией третьих лиц, они имеют схожие соглашения - не в результате контакта непосредственно друг с другом, а из-за их общей внешней групповой характеристики. Таким образом, влияние в сетях следует из процессов коммуникации, которые происходят и в связных и в структурно эквивалентных группах.

Информационные обмены могут уполномочить актора, предоставляя доступ к данным на определённых «конфиденциальных» условиях. Несколько известных политических явлений могут интерпретироваться как последствия таких структур коммуникационных сетей:

1. Коммуникационные сети являются существенными для социальной инфекции и рассеянных процессов новшества, включая распространение технических новшеств [Burt 1987b], методы предвыборной кампании, бунты, собрания [McPhail, Miller 1973] и другие формы коллективного поведения [Granovetter 1978].

2. Распространение политической гласности и пропаганды через безличные каналы средств массовой информации - двухступенчатый поток, который требует соединения сетей индивидуальной коммуникации и лидеров мнения сообщества [Katz, Lazarsfeld 1955]. Маргиналы служат мостами между социальными группами, но «большая часть потока влияния в пределах группы выполнена «центральными», главным образом в нисходящем, вертикальном потоке» [Weimann 1982: 769].

3. Системы представления интереса, в которых делегаты выбраны, чтобы голосовать за публичные порядки, одобренные избирателями, требуют устойчивых двухсторонних каналов для получения разоблачаю-

щих компроматов и активных действий [Eulau 1986: 179-204]. Появление массового государства, даёт почву для расстройства во взаимной коммуникации между элитами и массами, которая ограничивает ожидания и действия [Halebsky 1976].

4. Местоположение и пригодность политических ресурсов, включая потенциальных партнеров по коалиции, идентифицированы прежде всего через каналы коммуникации, которые передают данные вдоль длинных цепей. Мобилизация для коллективного действия зависит от своевременной и заслуживающей доверия передачи информации в пределах области интереса [Laumann, Knoke 1987: 48-206].

Все эти формы политического влияния вовлекают сети информационного обмена, которые распространяют сообщения от одного актора к другому через цепи различной длины. Действительно, во многих коллективных ситуациях действия, сети коммуникации преднамеренно строятся, чтобы оперативно распространить инструкции к действию участникам сети.

Конечно, некоторые социальные системы действительно ограничивают доступ к привилегированной информации, особенно антагонистические системы, такие как законодательные органы. Но даже здесь удивительный объем коммуникации происходит между политическими противниками [Laumann, Knoke 1987: 213]. Выдающееся положение центральности в коммуникационных сетях синонимично влиянию. Акторы, которые связаны с другими видными акторами, получают власть через их позиционную способность пользоваться большим арсеналом полезной политической информации. Люди на периферии, или чьи прямые и косвенные связи связывают их главным образом с другими крайними акторами, столкнутся с необоснованно низким количествами и качествами информации. Это объясняется их невлиятельным местоположением.

Отношения доминирования вовлекают обещанный или фактический обмен санкциями. Одно положение сети доминирует над другим, предоставляя последнему недостаточные ресурсы, которые недоступны от альтернативных поставщиков. Абсолютно скоординированные организации (бюрократия) и неофициальные системы политического обмена (сети патрона-клиента) являются двумя общими типами политических структур, основанных на отношениях доминирования. Иерархические формальные организации - такие как церковь, армия, корпорации, и правительственные агентства - координируют действия их участников, определяя некоторые положения с целью отдать команды и другие, чтобы выполнить их. Отдающие команды применяют мотивации или санкции, которые вознаграждают или наказывают получающих команды за их повиновение или неповиновение. Поскольку организационные ресурсы всегда недостаточные, материальные товары, типично ассигнуются выборочно людям, а не вообще всем участникам. В вертикальных структурах организации цепи инстанций начальник косвенно командует подчиненными подчиненного. Награды за хорошую работу - поощрения, медали, зарплата поднимается, премии, льготы – всё согласно должностной иерархию. Некоторые участники - победители, другие - проигравшие. Выясняются относительно устойчивые образцы господства, что отражает эти взаимно исключительные распределения санкций среди организованных участников. Эти сети ресурсного обмена составляют существенные результаты в непрерывной борьбе за внутриорганизационный контроль [Pfeffer 1982: 7-271].

Точно так же неофициальные политические обменные системы - такие как собрания партийной фракции в законодательных органах, городские межорганизационные сети, и системы группы давления - воздействуют на принцип взаимности, согласно которому, награды должны быть пропорциональными вкладу [Hwang 1987]. Поскольку политические обмены выполнены в отсутствии строгой системы учета, доверие - жизненный компонент любой неофициальной системы господства [Gambetta 1988]. Политический брокер охотно подвергается обязательствам, которые никогда, возможно, полностью не возмещают другие, потому что такие долги могут быть возвращены постепенно, малыми долями, что может превысить ценность оригинальной пользы. Предполагаемая власть преступного крестного отца находится в его способности поместить муниципальных политических и полицейских лидеров в инкриминирующих мелких долгах, которые остаются скрытыми взамен на «закрытие глаз» на прибыльные незаконные действия в пределах их юрисдикции. Многие политические системы смешивают формальные санкционированные отношения и - неофициальные обмены. В каждом типе формального и неофициального обмена в рамках системы, различные обмены санкциями среди участников позволяют некоторым положениям получать господство над другими.

Гибкость и сила структурного анализа власти лежат в его дуалистических способностях микроанализа и макроанализа. Влияние и доминирование индивидуальных положений не только может быть оцененным, но политическая система в целом может быть исследована через структурные свойства ее участников, учитывая появление новых структурных особенностей в более высоком уровне анализа. Например, в попытке объяснить, почему индивидуальные избиратели отстраняются от выборов, существенным является усиление или конфликтность политических сообщений, артикулируемых в эгоцентрических политических сетях обсуждения. На уровне системы, пытаясь объяснить, почему у некоторых сообществ есть более высокие нормы протеста против выборов чем другие, сети индивидуального уровня становятся ключевыми данными. Плотность связей индивидуальных избирателей с местными политическими активистами может быть намного больше в сообществах, где мобилизация избирателя более эффективна.

Теоретическое развитие и эмпирические перспективы исследования в понимании политических явлений требуют существенных исследовательских усилий, чтобы идентифицировать и измерить отношения влияния и доминирования. Такие структурные исследования должны продолжиться одновременно на микро-

уровнях и макроуровнях, другими словами, на местных структурах, состоящих из пар, триад, и клик, и с глобальными структурами, так же как с перекрестными связями.

Список литературы

Burt Ronald S. “Social Contagion and Innovation: Cohesion Versus Structural Equivalence” // American Journal of Sociology, **1987b.** – P. 92.
Ericsson B. “The Relational Basis of Attitudes.” In Barry Wellman and S.D. Berkowitz (eds.), Intercorporate Relations: The Structural Analysis of Business. - Cambridge: Cambridge University Press, 1988.
Eulau H. Politics, Self, and Society: A Theme and Variations. - Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986.
Gambetta D. Trust: Making and Breaking Cooperative Relations. - New York: Basil Blackwell, 1988.
Granovetter M. “Threshold models of collective behavior” // Americal Journal of Sociology. 1978. – P. 83.
Halebsky S. Mass Society and Political Conflict: Toward a Reconstruction of Theory. - Cambridge University Press, 1976.
Hwang Kwang-kuo. “Face in Favor: The Chinese Power Game” // American Journal of Sociology, 1987. – Pp. 92.
Katz D. and Paul F. Lazarsfeld. Personal Influence: The Part Played by People in the Flow of Mass Communication. - Glencoe, Ill.: Free Press, 1955.
Knoke D. and E. Laumann. The Organizational State. Social choice in national policy domains. - Wisconsin, USA: The University of Wisconsin Press, 1987.
McPhail C. and D. Miller. “The assembling process: a theoretical and empirical examination” // American Sociological Review, 1973. – P. 38.
Pfeffer J. Orgatizations and Organization Theory. - Cambridge, Mass.: Ballinger, 1982.
Weimann G. “On the Importance of Marginality: One More Stepintothe Two-Step Flow of Communication” // American Sociological Review, 1982. – Pp. 47.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЛАСТЕЙ УРАЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX ВЕКА)

Малкова И. Г.
Южно-Уральский государственный университет

Город создается совместными действиями многих сил, он интегрирует, трансформирует, вбирает в себя все, и в нем есть все, что как раз и затрудняет его определение как явления. Город – модель общества, его породившего. У него удивительная способность отражать особенности района, в котором он находится, этноса, живущего на этой части земли, отрасли, представленной в его производственной структуре.

К началу X1X века на Урале оформилась сеть населенных пунктов, которая сохранилась без существенных изменений и в дальнейшую эпоху. И даже в современной сети городов более 70% уходят своими корнями до 1800 года. Основными градообразующими функциями в тот период были: военная, административная, торговая, промышленная.

В X1X веке рисунок городской сети изменился незначительно (если к городским относить бывшие поселения заводов), но концентрация городского населения заметно возросла.

В довоенный период XX века городов, построенных на пустом месте или преобразованных из чисто сельских поселений, было немного: Магнитогорск, Красновишерск, Краснокамск.

В 20-х гг. XX века в СССР были приняты специальные законоположения о порядке отнесения населенных пунктов к городским поселениям. Эти законоположения сыграли большую роль в упорядочении отнесения населенных пунктов к тем или иным категориям. В какой-то степени было преодолено несоответствие между городами в юридическом смысле и населенными пунктами, фактически являвшимися городами, которые сложились в дореволюционной России. В соответствии с законодательством Российской Федерации городом считается населенный пункт с числом жителей свыше 12 тысяч человек. И с долей занятых вне сельского хозяйства не менее 85% самодеятельного населения.

В 1939 году в промышленных областях (Пермская, Свердловская, Челябинская) Урала 47 населенных пунктов имели официальный статус города, еще 5 получили его до войны.

В годы Великой Отечественной войны размещение эвакуированных заводов послужило одной из основных причин возникновения новых городов на базе небольших поселений. Процесс образования новых городов не был прерван войной, но ареал их охватил в основном Урал. За время 1942-1945 гг. в стране было образовано 55 новых городов, из них – 23 в промышленных областях Урала [Лаппо 1997: 299].

Продолжилось преобразование в города старинных заводских поселений Урала (городами стали Сим, Реж, Куса, Касли, Миньяр, Усть-Катав и др.). Отличительная особенность этого периода – процесс градообразования шел в основном за счет развития машиностроения и металлообработки. Было характерно переключение на машиностроение многих старых промышленных пунктов. Возросло значение в градообразовании химической промышленности. Характерной чертой являлся ускоренный рост крупнейших центров, где были лучшие условия для быстрейшего освоения новых производств (Свердловск, Пермь, Челябинск, Нижний Тагил и др.).